

Мария Валентиновна Ватсон

Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова)

Мария Ватсон

**Фридрих Шиллер. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Ватсон М. В.

Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность / М. В. Ватсон — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова))

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

© Ватсон М. В.

© Public Domain

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Ватсон Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк М. В. Ватсон с портретом Шиллера,
гравированным в Лейпциге Геданом*

Глава I

Происхождение и рождение Шиллера. – Характеристика его родителей. – Первый учитель и первые друзья. – Ранние впечатления и черты характера. – Театр и латинская школа в Людвигсбурге. – Вынужденное поступление в военную академию. – Любимые авторы поэта; появление в печати первых его стихотворений. – Пробная диссертация: «Философия психологии». – Драма Шиллера «Разбойники». – Выпускная работа: «Связь животной стороны человеческой природы с духовной ее стороной».

Известно, что великие люди, эти князья в царстве искусств и наук, происходят по большей части от людей маленьких, из народа, с положением более чем скромным. Довольно обычное это явление повторяется и в генеалогии Шиллера. Предками его, как с отцовской, так и с материнской стороны, были простые сельские булочники.

С проторенной дорожки на самостоятельный путь первым выбился отец поэта, Иоганн Каспар Шиллер, благодаря своей энергии и настойчивости. Немало пришлось ему вынести в детстве после ранней смерти отца-булочника из села Биттенфельд, оставившего вдову и восемь человек детей при весьма скудных средствах: десятилетний мальчик должен был ходить на полевые работы. Но стойкий и честолюбивый ребенок, умевший уже тогда читать, писать и знавший немного латынь, не успокоился, пока не упросил мать отдать его в ученье к ближайшему цирюльнику и хирургу. Двадцати двух лет занял он должность лекаря в баварском гусарском полку и, побывав в походах, вернулся после заключения Ахенского мира (в 1748 году) на родину, где и поселился в городке Марбахе. Тут 25-летний юноша познакомился с 16-летней Елизаветой Доротеей Кодвейс, дочерью местного булочника и содержателя гостиницы. Молодые люди понравились друг другу и поженились уже в следующем 1749 году. После восьми лет бездетного брака у них сперва родилась дочь, Кристофина, а два года спустя – в 1759 году, 10 ноября, в день рождения Лютера – и единственный сын их Фридрих, впоследствии прославивший фамилию Шиллер.

Родители поэта, не выделяясь чем-либо исключительным и необычайным, были, однако, прекраснейшие люди: честные, добрые, не лишённые умственных и духовных интересов. Отец Шиллера, с виду человек крепко сложенный, невысокого роста, живой, деятельный и здоровый, отличался глубокою религиозностью, сознанием своего долга, любовью к порядку и твердостью характера. При всей его строгости и даже некотором педантизме в домашнем обиходе жена и дети, выражая ему глубочайшее почтение, вместе с тем искренне любили его до конца дней, а все знавшие его всегда относились к нему с величайшим уважением. Елизавета Доротея, женщина кроткая и примерно добрая, была образцовой дочерью, женой и матерью. Не блистая особенным образованием, она была, однако же, одарена чувством понимания природы и восприимчивостью ко всему великому и прекрасному. Наряду с Библией – искреннее религиозное чувство было ей присуще всю жизнь – она охотно перечитывала стихотворения Геллерта, Уца, интересовалась естественной историей и так далее, но самым любимым ее чтением были жизнеописания великих людей.

Подобно Канту, Шиллер внешне был вылитый портрет матери. Как и она, он обладал высоким ростом, был строен, имел светлые рыжеватые волосы, большой лоб и нежный взгляд голубых глаз. В первые годы своей жизни поэт был слабым, хилым ребенком, и ему пришлось перенести массу детских болезней. Но затем он окреп и пользовался хорошим здоровьем до 14 лет. Учиться начал с шести лет; первым его учителем был хороший ориенталист и составитель еврейского словаря Мозер, пастор в местечке Лорх, куда был переведен в 1765 году отец Шиллера, состоявший теперь, после разных мытарств и неудач, капитаном вюртембергской службы. Маленький Шиллер сильно привязался к первому своему учителю, пастору Мозеру. Насколько образ этого строгого, требовательного, но любимого им педагога глубоко запечат-

лелся в душе поэта, видно уже из того обстоятельства, что достойному во всех отношениях духовному лицу, выведенному им в «Разбойниках», он дал имя Мозер.

В эту раннюю пору детства Шиллера ближайшими его друзьями, сохранившими к нему теплые отношения всю жизнь, были сын пастора Мозера Фердинанд и некто Конц, впоследствии известный филолог и поэт. Также и старшая сестра Шиллера, Кристофина, любимица родителей, лицом и характером походившая на брата; она была страстно ему предана, и он платил ей тем же. Уже в детском возрасте Шиллер выказывал позднейшую свою способность отдаваться друзьям всей душой. При этом он отличался замечательной совестливостью, добротой, правдивостью и страстью раздавать все, что у него было: книги, платья, даже постельные принадлежности, за что ему не раз доставалось от родителей.

Между тем отца Шиллера скоро перевели из Лорха в людвигбургский гарнизон. В Людвигбурге поэт поступил в местную «латинскую» школу, где преимущественно обучали латыни, а также началам греческого и еврейского языков. Школа эта считалась подготовительной ступенью для желавших посвятить себя изучению богословия. А маленький Шиллер выразил таковое желание еще в бытность свою в Лорхе, – отчасти, вероятно, вследствие восхищения пастором Мозером.

«Нередко, – рассказывает Кристофина, – малютка взбирался на стул, просил меня или мать облачить его вместо пасторской мантии в черный передник и затем начинал с самым серьезным видом говорить проповедь со своей воображаемой кафедры». В Людвигбурге особенно сильное впечатление на мальчика произвел, по-видимому, театр. Отец его, как и все гарнизонные офицеры, имел даровой вход туда, и маленького Шиллера водили в театр в награду за хорошее учение. Дома мальчик устраивал из книг подобие сцены, вырезал бумажные фигуры, которые Кристофина раскрашивала, и заставлял этих кукол разыгрывать драматические сцены. Но эта игра ему скоро надоела, и тогда они с сестрой и с товарищами, соорудив сцену в саду, играли там комедии. Впрочем, сам Шиллер был плохой актер: он портил всякую взятую на себя роль чрезмерною страстностью и живостью.

Любимым товарищем Шиллера в Людвигбургской латинской школе был Вильгельм фон Ховен. По свидетельству этого последнего, поэт представлял собой в ту пору живого, веселого, смелого, иногда даже своевольного мальчика, который был не прочь и подразнить товарищей, – только не зло, а добродушно.

Однако при переходе в старшие классы настроение духа Шиллера изменилось.

Он стал конфузлив, неловок, мечтателен, серьезен, любимыми темами его разговоров сделались жалобы на судьбу и на покрытую глубокой мглой будущность. Учился он хорошо, и в аттестациях своих учителя называли его «мальчиком, подающим надежды».

Примерно в это время герцог Вюртембергский, который провел молодость свою весьма бурно, только что остепенился, главным образом благодаря влиянию на него графини фон Гогенгейм, и стал увлекаться педагогикой.

В одном из своих летних дворцов он устроил учебное заведение, вскоре значительно расширенное, переименованное в «военную академию» и переведенное им в Штутгарт. Нежданно-негаданно, волею судеб попал туда и 14-летний Шиллер. Герцог осведомился о наиболее способных учениках в других школах – с тем, чтобы взять их себе. Таким образом ему указали и на Шиллера.

Карл Евгений предложил отцу мальчика воспитать Фридриха на казенный счет, – с тем, однако, чтобы он впоследствии оставался у него на службе. Предложенная милость равнялась приказанию: отец Шиллера был в полной зависимости от герцога, так как состоял у него на службе. Делать было нечего, и огорченным родителям пришлось расстаться с мечтой видеть сына пастором. Жизнь в академии вряд ли могла прийти по вкусу будущему поэту; тут все делалось по барабанному бою и по команде. По команде вставали, одевались, молились, слушали лекции, учились, ели и ложились спать.

Так шло круглый год, потому что в академии не полагалось каникул.

Но стены закрытого заведения скоро расширились, и замкнутая жизнь в них для юного воспитанника озарилась солнечным лучом; дремавшие в его душе зачатки поэзии проснулись: пестрый мир фантазии открылся для него. Несмотря на строжайшие запреты, в академию все-таки проникали извне сочинения выдающихся писателей; молодой Шиллер уходил в них всей душой. Сначала, по-видимому, на него имел значительное влияние Клопшток. Зачитываясь «Мессиадой», он возымел мысль избрать Моисея героем религиозного эпоса. Мрачный трагизм герстенберговского «Уголино» вызвал затем первую его драматическую попытку – трагедии «Христиане» и «Нассауский студент». Шиллер читал с особенною любовью Библию в переводе Лютера, а также Сервантеса, Лессинга, Гердера, Мендельсона, Оссиана и других.

Но выше всех ставил он Плутарха, который, по его словам, своими жизнеописаниями великих людей «возносит нас над нашим поколением и делает нас современниками более совершенных, сильных характеров». Также и Руссо, этот горячий, благородный и смелый мыслитель, был крайне симпатичен Шиллеру. «Отказаться от свободы – значит отказаться от принадлежности к человеческому роду; не быть свободным – равносильно отречению от человеческих прав и даже обязанностей»; эти и тому подобные изречения из «Contract social» («Общественного договора») стояли огненными буквами перед глазами Шиллера.

Вскоре он познакомился и с Шекспиром благодаря профессору Абелю. Последний имел обыкновение, читая лекции, иллюстрировать философские положения выдержками из поэтов. Так, однажды он объяснял слушателям столкновение страстей и с этою целью читал им соответственные места из «Отелло». Шиллер слушал затаив дыхание и, подойдя после лекции к профессору, упросил его дать ему Шекспира. Но увлечение великим английским драматургом, которого Шиллер, впрочем, оценил не сразу и только уже позже полюбил всей душой, не могло умалить его восхищения отечественными писателями. Драмы Клингера, Лейзевица и других продолжали производить на него сильное впечатление. Между прочим, прочитав трагедию Лейзевица «Юлиус фон Тарент», он так восторгался ею, что почти всю запомнил наизусть и стал писать трагедию «Козьма Медичи». Но и этот опыт был уничтожен им, и лишь несколько отдельных образов, мыслей и строф перенесены оттуда в «Разбойники».

Уже в академии личность Шиллера имела ту чарующую, притягательную силу, которая привлекала к нему стольких друзей. Так, например, знаменитый впоследствии скульптор Даннекер был здесь очень близок с Шиллером; Цумштег – музыкант и композитор – боготворил его и перекладывал его стихи на музыку. Два брата Вольцоген, Гауг, Шарфенштейн, Петерсен, фон Ховен были преданнейшими его друзьями. Трое последних составляли вместе с Шиллером тайное поэтическое общество и читали друг другу запретные в академии плоды своего поэтического вдохновения; они письменно критиковали друг друга и высказывали как похвалу, так и порицание, – конечно, чаще первое, чем второе. К числу близких друзей Шиллера в академии принадлежал также сын издателя «Deutsche Chronik» и известного поэта Шубарта. В то время как мальчик Шубарт, милостью герцога, воспитывался в академии, тот же герцог без суда и следствия, – вероятно, за непонравившиеся ему эпиграммы – заключил его отца в крепость Асперг, где несчастный протомился целых десять лет. Позже, в 1781 году, Шиллер, большой поклонник Шубарта, посетил его здесь, и заключенный поэт, в свою очередь, сильно восхищался автором «Разбойников».

Из профессоров академии Шиллер ближе всех сошелся с Абелем, этим «ангелоподобным» человеком, как выражались о нем воспитанники. Он читал им логику, психологию и метафизику. Другой профессор академии, Гауг, преподававший историю, немецкую стилистику и искусства и писавший стихи, издавал литературный ежемесячный журнал «Schwäbisches Magazin». Здесь в 1776 году мы находим первое напечатанное стихотворение Шиллера – оду «Вечер». Это стихотворение, как и вообще первые опыты даже величайших поэтов, грешит подражательностью; но две строфы заслуживают все-таки внимания: во-пер-

вых, та, где проступает любовь юного поэта к свободе, и, во-вторых – та, где он просит Всевышнего осчастливить его не властью или богатством, а даром песен.

В 1777 году в том же журнале появилось другое стихотворение Шиллера – «Завоеватель». Остальные его лирические и драматические опыты той эпохи все затерялись.

Перенесение академии в Штутгарт не могло быть особенно приятным Шиллеру – уже из-за разлуки с родителями. Незадолго перед тем герцог назначил капитана Шиллера смотрителем обширных садов и новонасаженных плантаций вокруг дворца. Еще в Людвигсбурге Каспар Шиллер, скучая от ничегонеделания гарнизонной службы, занялся изучением ботаники, лесоводства и садоводства. Смотрителем дворца он оставался до своей смерти, последовавшей в 1799 году, и то, что он дело вел осмысленно, доказывает изданная им в 1795 году книга «Die Baumzucht im Grossen».

Когда в 1776 году в академии открылся новый факультет – медицинский, – Шиллер вместе с фон Ховеном, бросив юридический факультет, перешел на вновь открывшийся.

Последние два года своего пребывания в академии поэт очень приналег на свою специальность и, в надежде скорее закончить курс, представил пробную диссертацию. В академии существовал обычай, позволявший воспитанникам за год до выпуска, для выяснения их познаний, писать пробные диссертации, которые в благоприятном случае открывали бы им двери выхода из академии. Имея на то право, Шиллер сам избрал себе тему, озаглавив ее «Философия физиологии». Эта диссертация двадцатилетнего юноши, доказывавшая его блестящее духовное развитие, не была одобрена профессорами медицинского факультета, нашедшими сделанные выводы слишком запутанными и рискованными. Ввиду такого решения юноше пришлось пробыть еще год в академии. Это было для него тяжелым ударом. Настроение его делается теперь грустным, подавленным, жизнь становится ему в тягость, он доходит почти до отчаяния. Конечно, удивляться тут нечему, – именно даровитые натуры часто в юношеские годы подвержены унынию и временной потере жизнерадостности, – особенно при неблагоприятных внешних обстоятельствах.

В этот период Шиллер написал на смерть младшего фон Ховена элегию, озаглавленную «Над свежей моги лой», – одно из немногих юношеских произведений, которые автор включил потом в полное собрание своих сочинений. Тогдашнее настроение поэта излилось, впрочем, наиболее многосторонне и полно в другом его произведении – драме «Разбойники». Как только ему удавалось написать новую сцену, он тотчас же декламировал ее товарищам, восторгавшимся его произведением.

Между тем настало время выпуска из академии, и Шиллеру предстояло повторить неудавшуюся перед тем попытку, то есть написать новую диссертацию. Эта последняя – «Опыт о связи животной стороны человеческой природы с его духовной стороной» – была одобрена профессорами и даже удостоилась чести, выпадавшей на долю только лучших работ, быть напечатанной.

Таким образом, 14 декабря 1780 года поэт простился с учебным заведением, в котором провел восемь лет и откуда увез с собою диссертацию свою и второй, еще более блестящий документ развития своих духовных сил – драму «Разбойники».

При выпуске его назначили лекарем в гарнизонный гренадерский полк в Штутгарте, с жалованьем в 18 гульденов в месяц.

Глава II

Жизнь Шиллера в Штутгарте. – Луиза Фишер. – Появление «Разбойников» в печати. – Контакты со Шваном и Дальбергом. – Успех драмы на сцене в Мангейме. «Антология» и «Вюртембергский реперториум». – Арест Шиллера и решение спастись бегством. – Новая драма «Фиеско». – Приезд в Мангейм и разочарование. – Путешествие во Франкфурт и Оггерсгейм. – «Коварство и любовь» и переделка «Фиеско». – Отъезд в Бауернбах. – Знакомство с Рейнвальдом и несчастная любовь к Шарлотте фон Вольцоген. – Неожиданное предложение Дальберга. – Шиллер при театре в Мангейме. – Его болезнь. – Успех «Коварства и любви»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.